За правду

Помолчим о правде своей «возвышенной»...
День клубком скатился за край земли.
Видишь, чёрные вороны в небе выжжены? —
Раньше были вышиты журавли.

Скоро ночь затеплит огонь во флигеле.
Споры будут долгими. Не до сна.
Правды нет, зато есть своя религия…
И своя война. И своя вина.

Кто-то врал, что горькое слово «родина»
можно пить стаканами до утра...
Пустота за пазухой (камни брошены).
Напоследок — обухом топора.

Правды нет, но споры о ней горячие
не унять. Дай, Бог, нам у той черты,
за которой сердце однажды спрячется,
обалдев от собственной правоты,

ощутить дыхание человечности
и не вбить «за правду» последний гвоздь
в нечто очень хрупкое и невечное,
но уже прошившее нас насквозь.

Гадание на Святки

Тает олово. Святки.
Гудит разношёрстная публика.
Смотришь — стенка на стенку. И хочется влиться в народ.
И ныряешь в толпу, и становишься... дыркой от бублика.
Кровь стекает с лица. Пустяки! До весны зарастёт.
Отряхнёшься и сплюнешь. А в спину кричат: «Азиатчина!»—
так нечаянно вспомнишь о генах своих кочевых...
У «обидчика» — маска и, может быть — мама под Гатчиной,
а ещё на душе — до конца незажившие швы.
Есть у каждого «кривда» и «правда»,
но в этом ли — главное?

Снег хрустит, как антоновка с вечной её мерзлотой.
Ветер бьётся в закрытые двери и хлопает ставнями.
Тает олово... Месяц над крышей застыл запятой.

Всё почудилось. Святки.
Над городом — пар от дыхания.
Старый дворник в ушанке поёт о судьбе ямщика.
Робкий промельк рассвета. Успеешь шепнуть: «До свидания!»
И уйдёшь (от себя?) неприметной тропой чужака.

Чужой

…и опять ныряешь, как лодка с пробитым днищем, в этот мир — непонятный, штормящий, совсем не твой, понимая, что часто находит не тот, кто ищет. Не успеешь очнуться, как сорной взойдёшь травой, не успеешь опомниться — облаком станешь белым. И, пытаясь вписаться-вжиться, постичь азы, примеряешь чужие мысли, чужое тело. И уже почти понимаешь чужой язык. Продолжаешь упорно стучаться в чужие души, всё надеясь прорваться туда, где тебя не ждут. И мельчаешь внутри — всё больше тебя снаружи. Незнакомая музыка льётся в твоём саду. Это просто, казалось бы — будешь одним из многих. Всё, что было тобой, останется между строк. Но чужой язык приводит к чужой дороге, где чужому Богу внимает чужой Пророк.

Мой город жив

Мой город жив. — До дна ещё не выпит,
не продан иноземцу «с молотка».
Он сиротлив (хотя, пока — не Припять).
Здесь время крутит пальцем у виска.

Здесь — родины, которые свернулись
в тугой клубок и намертво вросли
в евклидово пространство тесных улиц,
в неровное дыхание земли.

Здесь «наше всё» — прокуренная «двушка»,
где спорят обо всём, что на слуху.
Тут даже осень курицей-пеструшкой
опять несёт сплошную чепуху,

твердит, что время лучшее настанет.
Ей невдомёк, что вовсе не смешно,
когда в «тик-таке» слышится: «Ти-та-ник»,
и, кажется — душа идёт на дно.

Уходит вглубь, и свет её неяркий
чудесные рождает миражи,
как будто солнце, в космосе заварки
кружком лимона плавая, дрожит.

И мы стоим, подставив свету лица,
и каждый ждёт чего-то своего.
Глядишь (как князь Андрей — под Аустерлицем)
на небо… И не видишь ничего.

Всё так же, как всегда. Ничто не вечно.
Мой город жив. Пока — всё на местах.
Всё так же Бог случайных человечков
стирает школьным ластиком с листа.

Вокзальное

Подаётся состав. Замирает над Ригой
это небо, вобравшее запах и звук
заповедной романтики Грина и Грига,
пастернаковской горечи встреч и разлук.

А с небес синева пролилась купоросом.
Рельсы тянутся вдаль — за аршином — аршин.
И бесстрашная Азия смотрит раскосо
из медвежьего логова дикой души.

Здесь и там. Между ними лежит межевое
(ножевое) пространство. Воспрянешь в пути,
только поле везде — до былинки чужое,
и такая тоска, хоть трава не расти!

Полустанки мелькают. И столько вопросов —
неприкаянных мыслей сумбурный поток.
Но всему вопреки выбивают колёса:
на-вос-ток — на-вос-ток…
на-вос-ток — на-вос-ток…

Небо и земля

Метёт метла. — Ничто не навека.
Шуршат обрывки небыли и были.
Сметает дворник в лужи облака,
бурча под нос: «Как молоды мы были...»
И важно ли, чего не наверстать?..

На стройке мальчик в стоптанных кроссовках
паркурит или... пробует летать,
сигая с трёхэтажки без страховки.
Ушибся, лёг на мокрый камуфляж
листвы. Но крылья целы и упруги.

Старик и мальчик. Небо и земля
привычно отражаются друг в друге.